РУСКІЯ НА ДУНАЕ
И
НАЧЕРНОМЪ МОРЕ
ВО ВРІЬМЯ ВОЙНЫ
Россіи съ Турціею
1854 ГОДА

РУССКІЕ

НА ДУНАѢ И НА ЧЕРНОМЪ МОРѢ,

ВО ВРЕМЯ

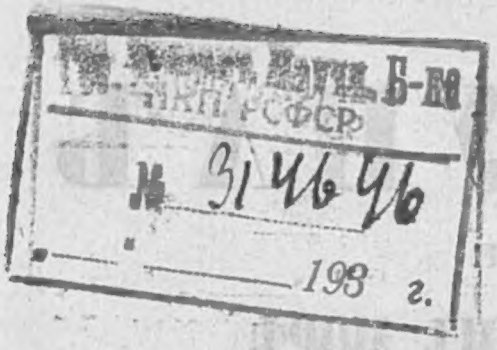
ВОЙНЫ РОССІИ СЪ ТУРЦІЕЙ.

РУССКІЕ
НА ДУНАѢ
И
НА ЧЕРНОМЪ МОРѢ,
ВО ВРЕМЯ
ВОЙНЫ РОССІИ СЪ ТУРЦІЕЙ.

Константинополь, столица Султана Турецкаго, взятъ будетъ безъ малѣйшаго кровопролитія, внутренніе мятежи, междоусобія и непрестанныя безпокойства Турецкое государство въ конецъ разорятъ. Турки погибнутъ жалостнѣйшимъ образомъ.

Мартынъ Задека.

МОСКВА,
въ Типографіи М. Смирновой.
1854.



ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, Марта 26 дня 1854 года.

Цензоръ *М. Похвисневъ.*

Восточный вопросъ всѣмъ вскружилъ голову, а пуще всего Французамъ и Англичанамъ. Десятки тысячь Турецкихъ головъ слѣтѣли отъ него съ плечъ; а Французскія и Англійскія головы приготовляются къ отвѣту на него подъ Русскимъ штыкомъ. Молодецъ Русскій штыкъ, никому не даетъ спуску. Кто-бы ни вздумалъ нежданно, непрошенно напасть на его матушку Русь православную. Такимъ то обра-

зомъ, наученные Франціей и Англіей, къ стыду Христіанскихъ державъ, вздумали тягаться съ нами Турки. — Послалъ нашъ православный Царь, заступникъ имени Христіанскаго, войска свои въ Молдавію и Валахію. Надобно-же было проучить ихъ, если они не слушаютъ словъ; и если ихъ спины забыли, какъ Русскіе ихъ прежде били. Вотъ, завидуя Русскимъ молодцамъ, вызвались помогать Туркамъ Французы, которымъ Русскіе уже въ двѣнадцатомъ году задали перцу, и Англичане, которые какъ всѣмъ извѣстно, любятъ въ мутной водѣ удить рыбу. Но Русскій солдатъ не свой братъ; это доказали Туркамъ Синопъ и Калафатъ, тамъ доказалъ имъ нашъ штыкъ, что онъ по десятку Турокъ нанизывать привыкъ. Теперь волей или не волей, выходи, Турка, сражаться въ чи-

стомъ полѣ, и радъ или не радъ, а пяться отъ Русскаго назадъ.

Во время этихъ событій, жилъ былъ въ городѣ Бирмингамѣ нѣкто Копперфильдъ, членъ пивоваренаго и многихъ другихъ ученыхъ обществъ. Вмѣсто того, чтобъ спокойно варить портеръ, ему вздумалось заняться политикой.

Восточный вопросъ! всѣ толкуютъ про восточный вопросъ! сказалъ онъ самому себѣ. Годдемъ, почему же и мнѣ отставать отъ прочихъ. Пиво пивомъ, а политика политикой. Русскіе воюютъ съ Турками. Нашъ лордъ Пальмерстонъ что то больно расхрабрился. Да на то онъ и Министръ въ Англійскомъ Парламентѣ, чтобъ вмѣшиваться не въ свое дѣло. Я могу погрѣть руки: отправ-

ляюсь наблюдать и описывать!... Изъ Дувра недалеко въ Амстердамъ, къ пріятелю моему Биртринкеру... отъ него на параходѣ по Рейну, а тамъ по желѣзной дорогѣ до Дуная... Проѣздъ будетъ стоить 80 гиней. И дешево, и сердито и скоро. Вѣдь въ Европѣ разстоянія считаютъ не тысячами верстъ, какъ въ Россіи. Здѣсь въ одномъ городѣ можно позавтракать въ другомъ пообѣдать въ третьемъ пополдничать, а въ четвертомъ поужинать и проспаться. Бертринкеръ будетъ моимъ Коммиссіонеромъ въ случаѣ надобности: онъ пріятель Банкира Вейнтраубе; я съ нимъ условлюсь на счетъ снабженія меня деньгами, а ему предоставлю изданіе моихъ наблюденій и приключеній. А если по возвращеніи моемъ домой, вздумается ему побывать у меня, то угощу его на повалъ пор-

тромъ: вѣдь не даромъ же дали ему и фамилію Биртрикеръ.

Сказано и сдѣлано: Господинъ Копперфильдъ изъ Бирмингама уложилъ въ чемоданъ бумагу, перья и чернилы и вотъ онъ уже на Дунаѣ, въ гостинницѣ, подъ вывѣскою бараньей головы, содержателя Шафскопфа. Не выходя изъ экипажа онъ приказываетъ подать себѣ бутылку вина и глотаетъ его залпомъ изъ полной бутылки для подкрѣпленія на первый случай силъ своихъ. Толстый Шафскопфъ, похожій съ виду на пивную бочку, и вѣроятно не упускающій случая наполнять себя этимъ нѣмецкимъ напиткомъ, видя такое необыкновенное дѣйствіе господина Копперфильда, поднимаетъ руки выше своего колпака, а нѣмецкій почтальонъ кнутъ свой, подобно тому, какъ Рус-

скій солдатъ беретъ подъ прикладъ! Но эта картина была мимолетна. Употребивъ вино господинъ Копперфильдъ непремѣнно хотѣлъ слѣдовать далѣе, чтобъ сблизиться съ Русскими войсками и посмотрѣть что за народъ такой Русскіе, о которыхъ только и толку теперь въ Европѣ; да притомъ же, въ качествѣ путешественника и наблюдателя, онъ хотѣлъ слѣдить за ходомъ войны между Россіей и Турціей.

Въ это время Нѣмецкій журналистъ, исправлявшій вмѣстѣ съ тѣмъ должность Полицейскаго Чиновника, видя изъ за угла гостинницы Шафскопфа и фанатическое дѣйствіе господина Копперфильда изъ Бирмингама, не зналъ что подумать а тѣмъ болѣе сказать... Панническій страхъ обуялъ его: онъ ду-

малъ, что по крайней мѣрѣ самъ парламентскій крикунъ Лордъ Пальмерстонъ ѣдетъ чрезвычайнымъ посланникомъ изъ Англіи къ блистательной портѣ, съ предложеніемъ всевозможныхъ услугъ отъ имени Англійскаго Парламента! И вотъ что случилось съ чиновникомъ, заключавшемъ въ особѣ своей два лица: журналиста и полицейскаго: шпага его отъ присядки поранила правую ногу, а картузъ отъ возстанія волосъ вскочилъ не менѣе какъ на четверть отъ головы, одно перо удержалось за ухомъ!... Бросивъ презрительный взглядъ на Нѣмецкаго журналиста и Полицейскаго чиновника господинъ Копперфильдъ изъ Мончестера, у котораго порядочно зашумѣло въ головѣ отъ выпитія цѣлой бутылки вина залпомъ покатилъ своей дорогой далѣе.... 8-мь нѣмецкихъ миль и—опять станція.

Подъ вывѣскою: «*Колпакъ въ солнцѣ*»... и подъ самою вывѣской—господинъ хозяинъ съ бутылкою въ рукѣ и въ бѣломъ какъ Русскій снѣгъ колпакѣ съ кисточкою. Онъ угощалъ Австрійскаго почтальона; на его кругломъ какъ поджаренная пышка лицѣ выражалось при видѣ того, что фурманъ плясалъ отъ его достойнаго похвалы вина.

Подъѣзжая къ слѣдующей станціи Господинъ Копперфильдъ почувствовалъ, что нѣмецкое вино сильно разыгрывается въ его англійской головѣ, счелъ за лучшее остановиться на этой второй станціи, чтобъ по Англійскому обыкновенію закусить съ толкомъ, для подкрѣпленія силъ, и потомъ продолжать свое путешествіе далѣе. Все было готово къ его услугамъ! поданы око-

рокъ ветчины, бутылка Рейнъ-вейну, а онъ съ ними въ паралель положилъ свой мѣшокъ съ 1000 гульденами взятыми имъ на запасъ въ дорогѣ.

Когда господинъ Копперфильдъ выходилъ изъ своего экипажа, въ маленькое окно со втораго этажа гостинницы выглянули два лица: молоденькая дѣвушка и лысый въ очкахъ ея покровитель... «Посмотрите, папа! это вѣроятно какой нибудь чудакъ Англичанинъ пріѣхалъ въ гостинницу.» Услышавъ нѣжный женскій голосъ, господинъ Копперфильдъ взглянулъ вверхъ и выпрямилъ свою фигуру.

Со всею Англійскою фамильярностію, вошелъ онъ на крыльцо гостинницы и отворилъ первую встрѣтившуюся дверь....

«Вотъ у меня въ рукахъ бутылки съ «виномъ, вотъ карты, а вотъ и денежки, которыя добылъ я на австрійской «службѣ и посредствомъ содержанія «игорнаго дома!» говорилъ штатскій чиновникъ, у котораго голова была кругла какъ арбузъ, а носъ заступалъ мѣсто арбузной вѣточки, — военному, который въ каскѣ сидѣлъ съ нимъ за однимъ столомъ — прямо лицомъ къ лицу!

«А моя команда,» говорилъ военный, которую ты видишь въ окно на дворѣ — можетъ мнѣ доставить тоже, что доставили тебѣ карты и бутылки! Война Россіи съ Турціей началась, при помощи Русскихъ намъ придется только бить Турокъ, какъ барановъ; а въ такомъ случаѣ, самъ ты знаешь, безъ наживы дѣло не обойдется: тогда даю

тебѣ честное и благородное — слово поплатиться съ тобою моимъ долгомъ.

«Что за странный такой разговоръ, въ первый разъ слышу,» сказалъ господинъ Копперфильдъ, удивленный этимъ разговоромъ двухъ представившихся ему лицъ — военнаго и штатскаго. Онъ невольно отступилъ назадъ и снова повторилъ хозяину гостиницы, чтобъ ему отведенъ былъ особый нумеръ и поданъ обѣдъ.

«Прошу покорно во вторую дверь,» отвѣчалъ хозяинъ гостиницы. Тотчасъ все будетъ готово къ услугамъ вашимъ, милордъ! Будьте увѣрены, что я умѣю принимать почетныхъ и служить усердно, исполняя ихъ желаніе въ точности...»

Отведенный господину Копперфильду нумеръ былъ чистъ и удобенъ. Хозяинъ гостиницы, желая занять почетнаго гостя, доставилъ новые нумера газетъ, а самъ отправился хлопотать о приготовленіи обѣда.

Г. Копперфильдъ занялся чтеніемъ. Видно было что его очень интересовали новости. И вотъ онъ начинаетъ декламировать переведенные съ Русскаго на нѣмецкій языкъ стихи, по случаю побѣдъ подъ Ахалцихомъ и при Синопѣ. Помѣщаемъ ихъ здѣсь въ подлинникѣ:

«Вотъ зашумѣлъ орелъ двуглавый
На Черномъ морѣ новой славой,
И загремѣлъ, средь южныхъ водъ,
Побѣдой новой Русскій флотъ!

Эскадру вражью разгромили
Мы надъ пучиною морской,
И при Синопѣ повторили
Побѣду дѣдовъ подъ Чесмой!

Тутъ раненъ былъ Османъ-паша,
И въ плѣнъ чуть жива душа!
Вѣдь не учиться Русскимъ стать,
Какъ чалмоносцевъ побѣждать!

Числа враговъ мы не считаемъ —
Когда стоимъ лицомъ къ лицу,
И честь Россіи защищаемъ!..
Ура! Державному Отцу!

Близъ Ахалциха, при Синопѣ,
Войска Турецкія и флотъ
Разбивъ, мы дали знать Европѣ,
Что Русь своимъ умомъ живетъ.....

Своею силой побѣждаетъ!...
И — не нуждаяся ни въ комъ,
Враговъ безсильныхъ презираетъ,
А мощнымъ посылаетъ громъ.

«О, о, о! какъ Русскіе поговариваютъ и ядрами и одами!» воскликнулъ господинъ Копперфильдъ. — Въ короткое время — и уже столько побѣдъ и на морѣ и на сушѣ. Только одно и слышишь, что они или флотъ сожгли и съ десятью тысячами ухлопали втрое больше враговъ. Должно отдать справедливость Русскимъ солдатамъ — молодцы! А, да вотъ и еще стихи—анекдотъ! Посмотримъ, что за штука такая описана въ анекдотѣ.

«Въ дополненіе къ побѣдамъ
Мнѣ разсказанъ былъ сосѣдомъ
Любопытный анекдотъ...
Для всеобщаго извѣстья,
Я его пускаю съ честью
Въ православный нашъ народъ.

«Повстрѣчался съ Русскимъ Турка
И взгордился, вражій братъ.

«Не велика ты фигурка!»
Молвилъ нашъ ему солдатъ.

«Какъ, сермяжникъ, не велика!»
Чванный Турокъ закричалъ,
И въ пригоршни маку взялъ. . . .
«На-ко, Русь, тебѣ, сочти-ка
«Войска нашего число,
«Ты тогда только узнаешь,
«Какъ весь макъ пересчитаешь.

«Коль на это ужь пошло,
Что числомъ меня пугаешь.
Такъ ты мало Русскихъ знаешь,
Нашъ солдатикъ отвѣчалъ.

И тотчасъ же изъ карману
Перцу зернышко досталъ,
И, подавъ его Осману.
«Натко, братъ, тебѣ!» сказалъ.
Наше войско не велико,
Какъ зерно, да раскуси-ко!
Такъ узнаешь, каково
Противъ маку твоего!

Ха, ха, ха! громко засмѣялся Копперфильдъ. Это яркая черта, характеризующая Русскихъ и Турокъ! Хорошо!.. На первый случай не даромъ я принялся за газеты. Не должно упускать случая и постоянно заниматься ихъ чтеніемъ. Дѣла завязываются очень интересныя; я долженъ вести мои путевыя извѣстія и почаще пересылать ихъ моимъ пріятелямъ въ Англію..... съ слѣдующей же почтой пишу!

Въ это время хозяинъ подалъ обѣдъ и вино.

«А когда отсюда почта отходитъ на Лондонъ?

— Завтрешній день, милордъ! «отвѣчалъ хозяинъ.

— «Очень хорошо.

Господинъ Копперфильдъ принялся за обѣдъ, употребивъ въ честь и славу новыхъ извѣстій — добрый стаканъ предстоящаго вина.

Обѣдъ и вино пришли ему по вкусу. Онъ былъ въ хорошемъ расположеніи духа и ни сколько не выказывалъ Англійскихъ капризовъ.

«Летучая почта! Къ вамъ письмо, господинъ Копперфильдъ, и новыя газеты.

«Слава! слава! слава Россіи! возгласилъ Копперфильдъ, вставая изъ-за стола.

«Rule Britania!»—Это выраженіе тоже для Англичанина, что для насъ: «благодареніе и слава Тебѣ, Господи!»

Новыя газеты, новыя газеты!

— Это что же за исторія! Позоръ и срамъ нашему брату Англичанину! Рускіе на моряхъ не уступаютъ нашимъ. Вотъ стихи на нашъ соединенный флотъ.

Англо-Франкскія эскадры
Въ море Черное вошли:
И какъ разъ на наши ядры
Очень кстати подошли.

Разсердился нашъ усатый
Старо-давній мореходъ,
Разсуворились солдаты
И помчалися въ походъ.

Не по сердцу было господину Коперфильду чтенія этихъ стиховъ. Подъ вліяніемъ жирнаго обѣда и винныхъ

паровъ, въ пылу національной гордости, онъ запѣлъ, онъ запѣлъ старую, изношенную Англійскую пѣсню.

«Владѣй, Британія, морями!!! . . .

Бутылки, карты и пріобрѣтенные посредствомъ ихъ деньги, встали съ своихъ мѣстъ, чтобъ, въ надеждѣ, засвидѣтельствовать книксенъ столь важному по видимому путешественнику.

«Господа, я нечаянно попалъ въ вашу компанію и желаю вашего дружества. . . . Копперфильдъ изъ Мончестера подаетъ вамъ свою руку! Прошу принять мою дружбу.

—«Вивать тебѣ, сынъ Альбіона. — Позвольте служить вамъ всѣмъ, что я

имѣю, чѣмъ смогу и чѣмъ быть могу! сказалъ штатскій, и подойдя къ Копперфильду преклонилъ чуть не до земли свою арбузную голову — поклонъ, свидѣтельствующій полное довѣріе къ человѣку и къ богатству.

Господинъ Копперфильдъ изъ Бирмингама переступилъ порогъ и, видя такую необычайно артистическую позу двухъ лицъ, притворился Англо-саксомъ, невѣждой, богачемъ....

« Хозяинъ!

— Къ вашимъ услугамъ.

— Мнѣ нуженъ ночлегъ и хорошій ужинъ! Общій столъ и особый нумеръ!

Къ вашимъ услугамъ милордъ! Тотчасъ же все будетъ готово. Видите,

видите передъ вами усердиаго и старательнаго слугу въ лицѣ моемъ!»

«Я оцѣнио твои услуги по достоинству, и повѣрь мнѣ, что Англичанинъ не ударитъ себя лицемъ въ грязь.

Штатскій лукаво посмотрѣлъ на мѣшокъ съ гинеями и перемигнулся съ военнымъ.

«Гостинница твоя Колпакъ въ солнцѣ, продолжалъ Копперфильдъ, очень мнѣ нравится. А далеко-ли отсюда до Бухареста?

— 90 миль, милордъ!

— Порядочно. Впрочемъ, я стало быть имѣю возможность переночевать

здѣсь, подкрѣпить свои силы и потомъ безъ остановки доѣхать доцѣли моего путешествія.»

И будто съ особеннымъ этузіазмомъ, происходящимъ отъ пьянаго умиленія, онъ снова подалъ руку военному и штатскому и попросилъ ихъ раздѣлить съ собою ужинъ.

Время текло довольно весело, собесѣдники чекались стаканами, которые опорожнялись ежеминутно. Штатскій послѣ ужина непримѣтно навелъ разговоръ накарты. Англичанинъ, рѣшившійся корчить изъ себя богача, согласился на предложеніе штатскаго—поиграть для препровожденія времени.

Штатскій, наживший деньги бутылками и картами, сначала по обыкновенію,

поддавался, потомъ какъ будто нечаянно выигралъ довольно порядочный кушъ, за который Англичанинъ долженъ былъ поплатиться изъ своего мѣшка съ тысячью гинеями и отправиться въ отведенный ему нумеръ, чтобъ поразмыслить на свободѣ о своемъ непріятномъ приключеніи и о дальнѣйшемъ продолженіи своего пути.

Поднявшись утромъ онъ отправился въ путь, записавъ на передъ въ своей дорожной книжкѣ.

«Проиграно столько-то. Какъ Англичанинъ, я не ударилъ себя въ грязь, и хотя съ сожалѣніемъ, но отдалъ проигранныя деньги Австріецу, который ловко надулъ меня.»

До Бухареста съ нимъ ничего особеннаго не случилось. Онъ видѣлъ движеніе Русскихъ войскъ, шедшихъ по направленію къ Дунаю, дивился Русской силѣ и мало по малу, охлаждалась его національная спѣсь.

Пріѣхавъ въ Бухарестъ, онъ остановился въ гостинницѣ, которую содержалъ какой-то Еврей, очень ловкій на то, чтобъ подъ видомъ усердія, опорожнять, своими истинно израильскими щетами, карманы своихъ постояльцевъ.

Однажды вечеромъ онъ пошелъ прогуливаться по улицамъ Бухареста, и на углу одной изъ нихъ увидѣлъ толпу народа, громко хохотавшую. Нельзя было не полюбопытствовать, онъ подошелъ къ толпѣ, по срединѣ которой

стоялъ человѣкъ и показывалъ ракъ, приговаривая:

«А вотъ въ городѣ Цареградѣ стоитъ Султанъ на оградѣ; онъ рукою махаетъ, Омера-Пашу къ себѣ подзываетъ: какъ ты думаешь, Омеръ-Паша, вѣдь армія наша не стоитъ ни гроша. Нашъ блистательный флотъ хотѣлъ блеснуть чрезъ черныхъ водъ, да такъ отъ Русскихъ огней заблисталъ, что и самъ весь пропалъ. Теперь нѣтъ у насъ кораблей, а плохо надѣяться на чужихъ людей. Послушались мы Англичанина и Француза, а чорта ли намъ толку отъ ихъ союза. Русскіе со всѣхъ сторонъ насъ валяютъ, городъ за городомъ у насъ отнимаютъ.—Что и проку въ Султанѣ, коли нѣтъ у него ни копѣйки въ карманѣ. А сунься-ка къ нашимъ союзнымъ друзьямъ, онъ и говоритъ безъ

залога не дамъ. Ты то себѣ денжонокъ понакопилъ, да назапасъ ихъ въ Англійскій банкъ положилъ, тебѣ хорошо, да мнѣ то теперь каково. Бывало прежде всѣхъ называлъ: эй вы, собаки! а какъ дошло дѣло до драки; какъ показался Русскій штыкъ, такъ по неволѣ прикусишь себѣ языкъ.»—

Копперфильдъ возвратился въ гостинницу. Здѣсь ждала его новая непріятность: грозный счетъ во время нѣсколькихъ дней возросъ до невѣроятности. А дѣлать нечего. Надо было расплачиваться. Тутъ то вспомнилъ онъ о своемъ Бирмингамѣ, и проклиналъ себя, зачѣмъ нелегкій дернулъ его заниматься политикой, вмѣсто того чтобы варить пиво.

Онъ задумался; размышленія его были прерваны приходомъ новыхъ газетъ,

въ которыхъ объявлялось о разрывѣ политическихъ сношеній между Англіею и Франціею.

«Вотъ те на! воскликнулъ онъ, убраться ко отсюда по добру по здорову.

Онъ провелъ въ гостинницѣ послѣднюю ночь, позабылъ думать о томъ, что Англичанинъ не ударитъ себя лицемъ въ грязь, и когда на другой день уже собрался въ путь, то къ довершенію его досады, услужливый хозяинъ подалъ ему стихи, совѣтуя записать ихъ въ дорожную книжку, и въ Бирмингамѣ, за бутылкой портера, прочесть своимъ пріятелямъ.

«Готовься, Русь, на подвигъ бранный,
Чтобы на лаврахъ отдохнуть;

Царь мудрый, Господомъ избранный,
Тебѣ укажетъ къ славѣ путь.

Ты помнишь времена былыя,
Двѣнадцатый ты помнишь годъ,
Какъ наши удальцы лихіе
Противъ враговъ пошли въ походъ.

«Хвастливы были супостаты,
Ихъ велъ буянъ Наполеонъ,
Но доказали наши хваты,
Какъ Богъ нашъ дивенъ и силенъ.

Пусть будетъ съ Турціей начало,
А тамъ докажемъ и другимъ,
Что Русскихъ силъ на всѣхъ достало,
Что Русскій Господомъ храним.

Что Русь давно окрѣпла въ брани,
Что остръ и твердъ ея булатъ....
Эй, не садись въ чужія сани,
Побережися, супостатъ!»

КОНЕЦЪ.

ИЗДАНІЕ КНИГО ПРОДАВЦА

Н:С:ФЕДОСОВА.

ЦЬНА 30 КОП. СЕРЕБРОМЪ